

Мария ГАЛИНА

Мария Галина родилась в Твери, закончила Одесский Государственный Университет. Биолог, кандидат биологических наук по специальностям гидробиология, ихтиология. Дебютировала в 1991 году подборкой стихов в журнале «Юность». Участник нескольких международных поэтических фестивалей и антологий. Лауреат многих премий, в том числе «Московский счет» (дважды) и Anthologia. Стихи переведены на английский, словацкий, украинский, проза – на английский, итальянский, польский языки. Предыдущая публикация в «Волге» – из цикла «Мертвый город», 2019, № 7-8.

*

у меня такие большие уши,
словно у полевой мыши.
на одной шестой части суши
(по ходу бывшей),
поневоле приходится быть тише,
слушать старших,
хорошо кушать,
преимущественно щи и каши.
у меня запасы крупы и сыра,
но они понадобятся едва ли.
ласточка, не надо.
в этом подвале
темно и сыро.
ласточка, не слушай эту паскуду,
ей бы все красоваться вечной невестой,
ласточка, ласточка, давай улетим отсюда!
после нас не останется даже пустого места.
африка будет под нами с ее слонами,
море с его кораблями.
ласточка, моя крошка, крылатая балеринка,
ты мне слаще сестры твоей филомелы.
занимается утро. вода в суглинке
ловит солнце в линзу оптического прицела
на пустом подворье в пустой деревне
на дожде, который вот-вот прыснет
....
в каждой старухе спит сказка о спящей царевне
и ее принце.

*

У каждого города свой запах. Одесса пахнет морем, водорослями, выброшенными на берег, сухими и горячими, но прежде всего Привозом. Гниющими овощами, жижей, хлюпающей под ногами, толстый мальчик стоит в мощеном брусчаткой дворе, его толстая мама, высунувшись из окна, кричит – Моня, кушать. Моня давно уже взрослый, лысый, мама давно в шеоле, в сером сумраке, но до сих пор в окошке, Моня, кричит, Моня, иди домой, паршивец. Моня поправляет галстук, пиджак, одергивает рубашку, медленно

поднимается по ступенькам, прижимает руку к левому боку, мама стоит в дверях, говорит, ты хочешь моей смерти...

Львов пахнет мхом, мокрой брусчаткой, в историческом центре канализацией, что поделать, если со времени цисаря ее не касалась рука человека, среди туристов ходят бледные тени, ничего им не понятно, откуда японцы, почему шумят, почему смеются, делают селфи, кстати, что это значит, где Авраам, где Сара, где пани Эльжбета, куда все делись? Почему в нашей квартире чужие люди, и почему они нас не замечают, сплошь рестораны, практически в каждом доме, в каждом подъезде, сколько их вообще человеку надо, мы-то не против, мы тоже любим покушать.

Питер пахнет пресноводным ветром, обволакивающим лицо мокрыми простынями, ячейки света движутся относительно себя, световые сети колеблются на ветру, тени их рвут и топят, мокрый гранит, полупрозрачная девочка машет ручкой, она как все, хотела быть балериной, ладно, художницей, ночью она слышит как кто-то ходит по их квартире, скрипит паркетом, в старом буфете дрожат хрустальные рюмки, бабушка говорит, это ее мама, улыбается, становится фотоснимком в старом альбоме... Свет сжимается в точку, в булавочную головку, мокрый ветер приходит с залива, осень кажется все плотнее, снежная сетка колеблется за окошком, руки почему-то прозрачные и в морщинах.

Москва пахнет нефтью всех труб мира, бензином, гарью, пластиковыми цветами в цветных кадках, метро дышит паром, раз за разом выбрасывает наружу бледных обитателей подземелья, еще говорят, что пахнет гнилой капустой, плоское место в плотном кольце свалок, маленькая река ничего не значит. Он приехал сюда совсем молодым поэтом, пил со всеми, спал почти со всеми, стал знаменитым, ходят слухи, третья жена его совсем молодая, всем заправляет, торгует его славой, он просыпается, подушка рядом пустая, он встает, сует худые синие ноги в холодные шлепанцы, бредет на кухню, готовит себе завтрак, яйцо всмятку капает на колени. Был бы кот, поговорил бы с котом, рассказал бы ему, какие они оба славные парни, как они оба любят, когда их гладят по спинке, но кота почему-то тоже нету.

Лондон пахнет моющим средством, парфюмерной отдушкой, гнилью прилива, сырые доски, мелкие волны, свет стоит вертикально. Женщины в черных пальто, лодыжки тонкие, туфли-лодочки, подбородок скошен чуть-чуть, в остальном почти безупречны, Мы здесь чужие, давай останемся, станем тенью под мостами, над нами будут грохотать поезда, приличные люди читают прессу, что-то опять в королевской семье неладно... Нас никто не поймает, ничто не заденет, мы сами тени, среди теней испуганных горожанок, пробирающихся в доках, в сырых кварталах, кто-то идет за ними, темный и страшный, кто-то стоит в тумане, темный и страшный, кто-то молчит напротив, темный и страшный, кто-то идет за ними, кто-то идет за ними...

*

подбрось повыше
чтобы я могла увидеть все разу
сыроварни твои маслбойни
богадельни

звезды средневековья
черный зубчатый лес
города и дороги

олени на тонких ножках
вброд переходят реку гудрона
ежи и жабы
с риском для жизни
как нам их жалко

старый красивый
контрабандист на джипе
слушает джаз
подпевает
у него в багажнике
золото всех ацтеков
невольницы и верблюды
его расстреляют
за первым же поворотом

черный копатель
янтаря лежит в карьере
нож у него в груди
нож зажат в кулаке
лужа крови
уходит в серый песок
в темные воды
морей времен плейстоцена

прыщавый дембель
навек канет
в дебрях вокзала
эта цыганка
сойдет на ближайшей
с ней ничего не будет

почти в зените
стена света
встает на стену мрака
обе прекрасны

то ли
радуга в небе
то ли
в глазу соринка